

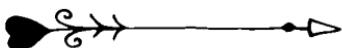
*Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.
Дева с пламенем в очах
Или трубоочист — все прах.*¹

Уильям Шекспир
«Цимбелин», действие IV, сцена II

¹ Перевод П. Мелковой.

Пролог

сли вы хоть немного похожи на меня, вам по вкусу разложение. Приятно предаваться размышлениям о том, что именно гниение и распад заставляют мир вращаться.

Например, когда где-то в лесу падает древний дуб, его почти сразу начинают поглощать невидимые хищники. Высокоспециализированные орды бактерий осаждают свою цель с методичностью армии варваров, атакующей вражескую крепость. Миссия первой волны — разложить белковые структуры павшей древесины до аммиака, с которым легко управится вторая волна, превращая пахучий аммиак в нитриты. Последняя волна агрессоров окисляет нитриты до нитратов, необходимых для удобрения почвы и, как следствие, произрастания новых дубовых саженцев.

Благодаря чуду химии микроскопические формы жизни разлагают колосс до самых основ. Леса рожда-

Алан Брэдли

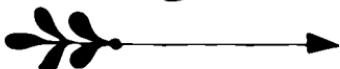
ются и умирают, приходят и уходят, словно кружящийся пепел, который подбросили в воздух: орел... решка... жизнь... смерть... жизнь... смерть... и так далее от сотворения мира до конца времен.

Это просто поразительно, если вас интересует мое мнение.

Оставленные на милость земли человеческие тела подвергаются такому же самому трехступенчатому процессу: плоть — аммиак — нитриты.

Но когда труп плотно пеленают в вымазанный землей флаг, засовывают в трубу камина и оставляют там на веки вечные обугливаться и мумифицироваться жаром и дымом — что ж, это совершенно другая история.

1

— Изгнана! — прорычал порыв мощного ветра
мне прямо в лицо.

— Изгнана! — ревели безумные волны, окатывая
меня ледяной водой.

— Изгнана! — завывали они. — Изгнана!

В английском языке нет более печального слова. Сам
его звук напоминает лязгание железных врат, которые за-
хлопываются за вашей спиной; звук задвигающихся сталь-
ных запоров, от него волосы встают дыбом, правда же?

— Изгнана!

Я прокричала это слово навстречу бешеному ветру, и
ветер плюнул мне его обратно в лицо.

— Изгнана!

Я стояла на вздымающемся носу королевского по-
чтового судна «Синтия», широко раскрыв рот в надеж-
де, что соленая влага смоет неприятный привкус — при-
вкус жизни, которая отныне ждет меня.

Флан Брэдли

Где-то в тысяче миль к востоку остались деревушка Бишоп-Лейси и Букшоу, мой прежний дом, где в этот самый момент мой отец, полковник Хэвиленд де Люс, и мои сестрицы Офелия и Дафна, скорее всего, преспокойно занимаются своими делами, как будто меня никогда и не было.

Они уже забыли меня. Я в этом уверена.

Только преданные слуги, Доггер и миссис Мюллер, украдкой уронят слезу по поводу моего отъезда, но и у них со временем останутся лишь смутные воспоминания о Флавии.

Здесь же, посреди бушующей Атлантики, нос «Синтии» задирался выше... выше... все выше над морем, устремляясь к небу, а затем обрушивался в волны с жутким гулким рокотом, и бурлящая вода двумя белыми крыльями обтекала борта корабля. Все равно что ехать без седла верхом на огромном стальном гонце, плывущем брасом.

Хотя было еще начало сентября, море бушевало. Нас краем задел тропический шторм, и теперь, два дня спустя, швыряло, словно выдернутую из бутылки пробку.

Все, за исключением капитана и меня, — по крайней мере, никого больше не было видно, — укрылись в своих каютах, так что единственными звуками, которые можно было слышать, передвигаясь по качающимся под ногами коридорам в столовую, были стон измученной стали и тошнотворные звуки множества опустошаемых желудков по обе стороны прохода. С учетом того, что

Сэндвич с пеплом и огурцом

пассажиров на борту было почти девять сотен, впечатление было ужасающее.

А мне, похоже, повезло обладать природным иммунитетом против укачивания в море: полагаю, это наследие моих предков — морских путешественников вроде Таддеуса де Люса, который во времена Трафальгарской битвы был всего лишь мальчишкой, но рассказывали, что ему довелось принести лимонад умирающему адмиралу Нельсону и поддержать его холодную влажную руку.

Последними словами Нельсона, кстати, были не широко известные «Поцелуй меня, Харди» в адрес капитана «Виктории» Томаса Харди, а вообще-то: «Пить, пить... обмажните меня, обмажните... протрите руки...», которые адмирал лихорадочно шептал изумленному юному Таддеусу, который хоть и ударился в слезы при виде смертельно раненного героя, но делал все возможное, дабы помочь великому человеку.

Ветер раздувал мне волосы и пытался сорвать с меня осеннее пальто. Я как можно глубже вдохнула соленый воздух, подставляя лицо каплям воды.

Чья-то рука грубо схватила меня за плечо.

— Что, черт возьми, ты тут делаешь?

Удивившись, я резко повернулась и попыталась вы-свободиться.

Разумеется, это был Райерсон Рейнсмит.

— Что, черт возьми, ты тут делаешь? — повторил он.

Этот человек — из тех людей, которые думают, что задавать каждый вопрос по два раза — секрет успеха.

Лучший способ с ними управляться — не отвечать.

Фёдор Достоевский

— Я тебя везде ищу. Дорси вне себя от беспокойства. Значит ли это, что теперь их две? — хотелось спросить мне, но я сдержалась.

Дорси — то еще имечко, так что ничего удивительного, что он называл ее Додо — по крайней мере, когда считал, что они находятся наедине.

— Мы боялись, что ты свалилась за борт. Немедленно вниз. Отправляйся в свою каюту и переоденься в сухое. Ты похожа на мокрую крысу.

Вот оно. Последняя капля.

«Райерсон Рейнсмит, — подумала я, — твои дни — да что там дни, часы — сочтены».

Я пойду к молодому милому корабельному доктору, с которым познакомилась позавчера за ужином. Под предлогом расстройства желудка выпрошу бутылочку двухуглеводной соды. Хорошая порция этой штуки — я улыбнулась слову «хорошая», — добавленная в неизменную бутылку шампанского Рейнсмита, сделает все, что надо.

Если принять ее на полный желудок — о последнем не стоит беспокоиться, когда дело касается Райерсона Рейнсмита! — двухуглеводная сода в сочетании с шипучим алкоголем может оказаться смертельной: сначала головная боль, которая будет усиливаться с каждой минутой, потом спутанность мыслей и сильная боль в животе; следом мышечная слабость, слабый стул в форме кофейных зерен, дрожь, судороги — классические симптомы алкалоза. Я уговорю его выйти на палубу подышать свежим воздухом. Гипервентиляция легких ускорит процесс — это все равно что плеснуть бензина в костер.

Сэндвич с пеплом и оражаном

Если мне удастся повысить рН его артериальной крови до 7,65, ему крышка. Умрет в мучениях.

— Иду, — угрюмо сказала я и поплелась следом за ним по качающейся палубе со скоростью сонной улитки.

Трудно поверить, что меня доверили этому отвратительному типу. Однако вполне понятно, как это случилось.

Все началось после несчастья с моей матерью Харриет. Десять лет она считалась пропавшей в горах Тибета, а недавно вернулась в Букшоу при таких жутких обстоятельствах, что мой мозг до сих пор отказывался думать о них дольше нескольких секунд подряд; еще чуть-чуть — и мой внутренний цензор прерывает нить памяти с такой же легкостью, как Атропос, ужасная старшая сестра Мойр¹, перерезает нить жизни, когда приходит время умереть.

Развязкой всей этой истории стала моя ссылка в женскую академию мисс Бодикот, канадскую школу, где училась Харриет и где меня должны подготовить для какой-то старинной наследственной роли, о которой я до сих пор остаюсь в неведении.

«Тебе просто надо будет найти *свой* способ узнать, — сказала мне тетушка Фелисити. — Но со временем ты поймешь, что долг — лучший и мудрейший из учителей».

Я не вполне поняла, что она имеет в виду, но поскольку моя тетушка занимает довольно высокое положение в этом непонятно чем, спорить с ней не стоило.

¹ Атропос (или Атропа, или Айса) — одна из трех сестер-богинь судьбы в греческой мифологии. — Прим. ред.

Фран Брэдим

«Это что-то вроде «Фирмы», верно? — спросила я. — Как называет себя королевская семья?»

«Что-то вроде, — ответила тетушка Фелисити, — но с той разницей, что члены королевской семьи могут отречься. А мы — нет».

Именно по настоянию тетушки Фелисити меня упаковали, словно сверток тряпья, и швырнули на судно, идущее в Канаду.

Конечно, возникли возражения по поводу того, что я поеду одна, особенно против были викарий и его жена. Потом ходили разговоры о том, чтобы отправить со мной в трансатлантическое путешествие Фели и ее жениха Дитера Шранца, но эту идею отбросили не только из-за неприличия, но и потому что положение Фели, органисты Святого Танкреда, считалось чрезвычайно важным.

Тогда свою кандидатуру предложила Синтия Ричардсон, жена викария. Хотя у нас с Синтией бывали взлеты и падения в отношениях, недавно мы стали близкими подругами — неожиданный поворот, в который я до конца не могу поверить. Без общества мужа Синтия светилась радостью, будто снова стала молодой девушкой. Викарий пришел бы в ужас от количества чая, который мы пролили на пол его кухни, заливаясь истерическим смехом.

Но увы, Синтию тоже отвергли. Как и Фели, она слишком важна, чтобы ее можно было отпустить. Без нее не будет ни церковного календаря, ни церковных бюллетеней, ни цветов на алтаре, ни домашних визитов, ни гильдии девочек-скаутов, ни выстиранного и отглажен-

Сэндвич с пеплом и граханом

ногого облачения священника, ни завтраков, обедов и ужинов для викария... список все удлинялся и удлинялся.

Я знала, что она разочарована. Синтия сказала мне об этом.

«Я бы с удовольствием побывала в Канаде, — объявила она. — В молодости мой отец работал сплавщиком бревен на реке Оттава. Вместо волшебных сказок он, бывало, рассказывал мне на ночь страшные истории об оборотнях в канадских лесах и о том, как на стремнинах острова Алюметт во время состязания, кто дольше удержится на плывущем бревне, он однажды окатил водой Оле Булла и Большого Жака Лярока — обоих в одно и то же утро. Я всегда надеялась, что однажды на дену пару сапог лесоруба с шипами на подошвах и по-пробую сделать то же самое, — мечтательно добавила она. — Теперь, полагаю, у меня больше нет шансов».

Я чуть не заплакала, глядя, как она сидит за кухонным столом у себя дома, мысленно погрузившись в прошлое.

«Гильдия девочек-скаутов почти так же опасна», — весело сказала я в надежде подбодрить ее, но не думаю, что она меня услышала.

В тот же день тетушка Фелисити объявила, что проблема решена: из женской академии мисс Бодикот привели сведения, что председатель общества попечителей академии, который проводит лето в Англии, в сентябре отправится домой. Он провел несколько дней на охоте с нашим соседом лордом Краусборо, и, по его словам, ему совсем нетрудно заехать к нам и забрать меня — как будто я пустая бутылка из-под молока.

Франс Рэй

Я всегда буду помнить день, когда он приехал в Букшоу в арендованном «бентли» — с опозданием на полтора часа, должна я заметить. Выскочил из машины и обежал ее, чтобы открыть дверцу для Дорси, царицы Савской, которая вылупилась из машины, словно аист из яйца, и встала в лучах сентябрьского солнечного света, моргая и делая вид, будто ее только что вывели из гипнотического транса. Она облачена в бирюзовое шелковое платье, голову прикрывал шарф в тон, а на губах — слишком яркая розовая помада. Надо ли добавлять что-то еще?

«О, Райерсон, — прокудахтала она, уставившись на наш фамильный дом. — Как оригинально. Такой старомодный упадок, все, как ты рассказывал».

Довольный собой Райерсон Рейнсмит в летнем костюме цвета остывшего кофе со свернувшимися сливками, осматривался, заткнув большие пальцы в карманы желтого жилета и похлопывая ладонями по своему обширному животу. Он напомнил мне куропатку.

Отец, появившийся в дверях, чтобы его приветствовать, вышел на гравиевую дорожку, и они обменялись рукопожатием.

«Полковник де Люс, полагаю, — сказал Рейнсмит с таким видом, будто решил загадку века. — Я бы хотел представить вас моей жене Дорси. Пожми руку сквайру, дорогая. Не каждый день выпадает такая возможность. — И наигранно засмеялся: — Ха-ха-ха. А это, должно быть, крошка Флавия».

Ну все, этот человек — покойник.

Сэндвич с пеплом и граханом

«Мистер Рейнсмит», — сказал он и сунул влажную ладонь мне прямо в лицо.

Однажды Доггер предупредил меня остерегаться людей, которые представляются «мистерами». Это вежливое обращение, сказал он, знак уважения, которое проявляют другие люди, но его никогда-никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя употреблять, говоря о себе.

Я проигнорировала протянутую руку.

«Здорово», — сказала я.

Отец застыл. Его глаза сузились. Я знала, что творится в этот момент в его голове.

Мой отец вырос в эпоху, когда джентльменов учили, что вежливость — это все и что единственный верный способ проиграть филистерам¹ — утратить самообладание и признать, что они тебя задели. Годы в японском лагере военнопленных отшлифовали его способность сохранять каменное спокойствие в ответ на оскорбления.

«Прошу, входите», — произнес он, указывая на падинную дверь.

Мне хотелось слегка стукнуть его и одновременно обнять. Гордость за родителей иногда принимает странные формы.

«Какой оригинальный вестибюль! — воскликнула Дорси Рейнсмит. Ее голос был резким, как вонь старого сыра, и слова неприятным эхом отразились от темных стен. — У нас были такие же проблемы с трескающимся

¹ Филистер — человек с узким, ограниченным умственным кругозором и ханжеским поведением.